

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ОТКРЫТИЯ XX ВЕКА

Сборник статей

Сборник статей

**Известные и неизвестные
открытия XX века**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2016

УДК 009
ББК 6/9

Сборник статей

Известные и неизвестные открытия XX века / Сборник статей —
«Санкт-Петербургский государственный университет», 2016

ISBN 978-5-288-05701-4

Предлагаемый сборник научных статей, издаваемый по материалам Международной научной конференции «Известные и неизвестные открытия XX века» (4–5 декабря 2013 г., СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук), посвящен рассмотрению феномена XX столетия в истории, философии, литературе, культурологии и искусстве. Общая концептуальная основа всех статей – сосредоточение на понятии «открытие», изучение событий и людей, которые вносят коренные изменения в науку и культуру. В научное издание вошли работы ведущих ученых и деятелей культуры. Книга представляет интерес для ученых, научных сотрудников, студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных вузов.

УДК 009

ББК 6/9

ISBN 978-5-288-05701-4

© Сборник статей, 2016

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2016

Содержание

От составителя	6
Официально признанное «неофициальное искусство»	8
Высшая школа России под властью советской (октябрь 1917–1930-е годы)	11
Портреты исторических деятелей XX столетия как открытие века	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Известные и неизвестные
открытия XX века
(сост. Т. Юрьева)**

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

* * *

От составителя

Некоторые комментарии к веку XX: переход из тайного в явное

Международная научная конференция «Известные и неизвестные открытия XX века» (4–5 декабря 2013 г., СПбГУ, Факультет свободных искусств и наук) стала первой в цикле, посвященном осмыслению феномена XX столетия в науке, культуре и искусстве; она вводит в научный оборот новые трактовки хорошо известных и скрытых от широкой публики открытий, феноменов, личностей, событий.

Конференция задумана как междисциплинарный разговор специалистов различных отраслей гуманитарного знания об известных и неизвестных реалиях и людях, которые изменили мир, общество, личность. Понятие «открытие» понимается организаторами конференции как установление неизвестных раньше, но объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира, которые вносят коренные изменения в науку и культуру. В докладах отмечены яркие проявления индивидуальных талантов в науке, музыке, литературе, кино, живописи...

Ход рассуждений исследователей образует в совокупности более полную картину, казалось бы, изученного столетия (гуманитарные явления и техногенные прорывы медицины, звуковые ландшафты, онтологическая парадигма, диалог исследователя с мозгом и многое другое).

XX век оказался богат открытиями в разных областях человеческой деятельности; в наступившем XXI в. переосмыслить целые пласты мировой культуры помогает необходимая временная дистанция.

Всякое подлинное, ценное исследование всегда строится на данных внутреннего опыта. Каждого ученого притягивает определенный круг имен, который *a priori* может быть как общепринятым, так и спорным. Приблизиться к истине помогает дискуссия, обнаруживающая точки сближения разных позиций.

Чрезвычайно важным представляется выявить имена исследователей, которые вели поиски на пересечении естественных, точных и гуманитарно-художественных научных проблем своего времени. Данный подход оказывается актуальным и в настоящее время.

Невозможно оставаться равнодушными и к истории как таковой, и к пониманию того, что каждое общество, каждый человек есть в какой-то степени результат определенной истории, которая не может быть описана как бесконфликтный нарратив. Бесконфликтный нарратив не значит ничего – он не имеет смысла. Лишить смысла историю можно разными способами, и хуже всего, если этот процесс отражается на учебниках среднего и высшего образования. История не знает предсказуемости, и в ней нет непройденных дорог, как нет и сослагательного наклонения. Непонимание – притворное или настоящее – обошлось человечеству, и России в частности, предельно дорого.

Сегодня, когда творчество многих и в культуре, и в искусстве стало историей, мы можем оценить глубину анализа, точность описания симптоматики и прогнозов, а также степень историчности и объективности тех специалистов, которые обращаются к различным концепциям.

Как и следовало ожидать, историки, философы, социологи активно обсуждают поставленные, но не всегда позитивно решенные в свое время вопросы, обсуждают превратности Первой мировой войны, дают портреты политических деятелей XX в., крупных и известных ученых, часто не оцененных современниками. Здесь доклады о кино, балете, музыке, литературе, изобразительном искусстве XX в., которые по-новому акцентируют личностные качества создателей и их художественные достижения. Поставлены вопросы, связанные со школьным и либеральным образованием, и даны четкие ответы на них.

Еще А. С. Пушкин писал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» («Арап Петра Великого»). Полагаем, что в опубликованных докладах есть новое и о значительных явлениях человеческой культуры, и о личностях, достойных не просто упоминания, а именно подлинного исследования и определения их значения в истории науки и культуры.

На обложке программы конференции нами не случайно были использованы произведения В. Кандинского и О. Тобрелутс (начало и конец XX в.). Про открытия гениального Василия Кандинского известно. Ольга Тобрелутс – представитель «Новой Академии», основанной Т. Новиковым; ее концептуальные открытия в области видеоарта, компьютерной графики и фотографии заслуживают внимания. Создавая в XX в. «Новую мифологию», художница не раз обращалась к различным мифологическим сюжетам, в частности к образам Адама и Евы, увидев в них Элвиса Пресли и Мадонну, с которых и началась массовая культура 1970-х гг. – одно из проявлений многогранного XX в.

Факультет свободных искусств и наук СПбГУ рад возможности объединить на нашей конференции ученых из разных стран и городов России, стремящихся внести научный вклад в эту привлекательную для многих проблему.

Т. С. Юрьева

Официально признанное «неофициальное искусство»

Первый вопрос, на который должен ответить исследователь, – для чего и для кого он предлагает свою идею конференции. Отвечаю: прежде всего для студентов. Сейчас время изменившихся смысловых связей. У старой культуры размываются границы, и мы медленно, но верно проваливаемся в пространство неопределенности. Самое трудное – поймать новую идею и поставить старый вопрос. При общей туманности смыслов сделать это трудно, но необходимо. Обратим внимание на то, что фраза «Я политикой не занимаюсь, я далек от политики», так часто звучавшая из уст талантливых творческих людей, сегодня неактуальна и, более того, опасна.

Я думаю, что основная драма времени – потеря Памяти.

Во всех эпохах был этот фактор, когда манкурты отрицательно влияли на развитие человечества. И сейчас такая опасность есть. Современное общество уязвимо. В эпоху глобализации, когда идет всеобщая универсализация, национальные культуры во многом утрачивают свои возможности, что может привести к манкуртизму. Лишенный понимания собственного «я», манкурт обладал целым рядом преимуществ – он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен.

Все вместе взятые национальные культуры могут оказаться под одним колпаком тоталитарной массовой культуры. И все же я надеюсь, что демократические тенденции будут вести нас к прогрессу и не допустят зловещего развития событий. «Громокипящее» слово «газаневщина» обозначает в общем-то достаточно безобидное, доброе, но безусловно протестное явление в истории советского искусства 1970-х гг. Мифы и легенды, порожденные тем временем, остроумны и блестяще «работают» и по сей день. Прошло несколько юбилеев со дня открытия выставок в ДК им. Газа (22–25 декабря 1974 г.) и ДК «Невский» (правда, второе открытие состоялось в 1975 г.). Отмечу сразу: многие «старые» имена тогда еще молодых художников доказали, что газаневщина имеет право на существование в искусстве. Конечно, корни ее уходят в традиции русского авангарда.

Незамечаемое творческое поколение питерцев 1950-х гг. – Арефьев, Васми, Шварц, Гудзенко и единственный среди них поэт Р. Мандельштам – превратилось в классиков. Смысл, идея, философия – столпы их искусства, и именно они, как неотъемлемые составляющие их произведений, делают их искусство актуальным и сегодня. Новый век, новые скорости не могут привести к забвению подлинных традиций как русского авангарда, так и нонконформизма. Именно художническая память помогла им с чувством собственного достоинства пройти дорогу свершений, открытий, страданий и побед.

Ценимая как петербуржцами, так и гражданами России в целом, своя история с разными по содержанию страницами, познавшая и трагедии, и фарс, и предательство, и горе, и радость, привела к особому проявлению «инаковости», что видно при сравнении с московским концептуализмом.

В газаневщине меня привлекает сильная личностная составляющая, без которой это движение просто не состоялось бы. Первым мистически-карнавальным началом ленинградского андеграунда следует считать штаб-квартиру Михаила Шемякина на Загородном проспекте. Мастерская Владимира Овчинникова в Кустарном переулке, где за один день могли перезнакомиться сотни художников, жаждущих показать свои картины, стала логичным продолжением развития ленинградского подпольного искусства.

Поэты и летописцы – Р. Мандельштам, К. Кузьминский, О. Григорьев, В. Кривулин, музыканты – Б. Гребенщиков, В. Агафонов, А. Ардановский, художники – В. Шагин, А. Арефьев, Р. Васми, И. Иванов, О. Сидлин, Е. Рухин, А. Окунь, Ш. Шварц, Г. Богомолов, Ю. Петроченков, А. Васильев, В. Герасименко. Эти знаковые и абсолютно разные в своем творчестве

фигуры и составляли фундамент ленинградского «нонконформизма». Они и в XXI в. не утратили художественного обаяния.

Те, кто остался в живых, встретились через тридцать лет. Никакой ностальгии по старым временам не было, ибо время того не заслуживает. Ностальгия была лишь по друзьям и атмосфере их бурных или тихих сборищ. Прекрасные живописцы А. Манусов и А. Раппопорт, как и многие ушедшие из жизни, были представлены картинами тех далеких лет.

Семнадцать художников, приехавших из разных стран, были растеряны, им с трудом верилось, что отмечают их прошлое и приветствуют их настоящее. (Принцип акции – экспонировать ранние произведения и последние работы.)

Они приехали в иную реальность, в город Санкт-Петербург, которому, как и всей стране, не свойственно покаяние. Диалога с властью не состоялось – и, к счастью, в этом уже нет необходимости.

Они часами бродили по городу, который их воспитал, притягивал и отталкивал. Местом притяжения и олицетворением их молодости в царско-дворцовом Петербурге стал Эрмитаж.

Я не уверена, что сам город отличается толерантностью – безмолвие строений, скорее, отражает безразличие. В их судьбе гранитные набережные сковывали не только Неву. Зато в их летописи «течет портвейн в канале Грибоедова».

Художники разной степени одаренности, неожиданно ставшие знаменитыми, явили миру ленинградский «нонконформизм». О таком пронзительном и шумном подпольном синтезе музыки, поэзии, живописи в те годы знали только их единомышленники. Но их было много. «Сайгон» стал их резиденцией и полностью выполнил свою роль места духовного сплочения мятежных, бедствующих людей. Здесь, в сочиненном ими мире, провозглашались свои лозунги и говорили на своем языке.

Если поколение Блока как пароль произносило «Тень несозданных созданий...», то в шестидесятые-семидесятые годы тень созданных созданий была огромной, запретной и бесконечно привлекательной.

Они явили мир другого искусства и другого образа жизни, далекого от циничных и «зловеще-оптимистичных» по сути идеалов «социалистического реализма». Ажиотаж, часовые очереди, логичные для тех десятилетий запретные акции, – все это в их биографии сыграло свою роль. Молодые люди мгновенно стали известны на Западе, они полюбили себя («Я – человек, до неприличия, страдаю манией величия», – так заканчивалось стихотворение В. Нестеровского). Они избрали опасную для жизни форму игры. И этот перформанс 1974–1975 гг. по своей непредсказуемости остался непревзойденным.

Придуманный ими «орден нищенствующих живописцев» был ироничным включением себя в культуру средневековья. С упорством верующего они «расписывали свой собственный саркофаг», как саркастично отметил Рихард Васми.

Светящиеся изнутри лица «газаневщины» навсегда запечатлены на черно-белых фотографиях Г. Приходько, ставших еще одним петербургским документом того времени.

Факт биографии и факт искусства – не одно и то же. В истории искусства биография важна как отражение неких культурно-исторических пластов в самих произведениях. Ценят за осуществленное – несмотря на то что тебе постоянно портили кровь, нервы, и струны души натягивались до последнего предела, за которым могла возникнуть лишь темнота. Кто смог, тот и уехал. Личные трагедии людей, вынужденных уехать, были связаны с жутким, чисто ленинградским антисемитизмом. Расставание с друзьями стало еще одной постоянно действующей акцией вплоть до 1985 г.

В этой акции мне было вновь интересно и важно увидеть произведения, которые обрели новое звучание. Имена тогда еще совсем молодых – А. Белкина и Е. Фигуриной, Ю. Петровича, А. Басина, В. Духовлинова – стали известны в России и далеко за ее пределами. Живопись В. Шагина, Г. Зубкова, А. Геннадьева, И. Тюльпанова, Е. Абезгауза, Г. Устюгова, В. Гавриль-

чика, Ю. Жарких, С. Ковальского принадлежит петербургскому искусству. А концептуальное искусство Ю. Календарёва способно наполняться потрясающей музыкой...

Без нонконформизма современная петербургская культура вряд ли имела бы такую многогранность. Звучат закаленные тем временем стихи Т. Буковской, востребована проза Д. Дара. Представителям газаневской культуры было чему сопротивляться и, развивая традиции русского авангарда, они смогли победить себя и время.

Т. С. Юрьева

Высшая школа России под властью советской (октябрь 1917–1930-е годы)

Октябрьский переворот 1917 г. мгновенно остановил процесс демократической реорганизации российской высшей школы, запущенный в краткий период деятельности Временного правительства. Новая власть была по-разному встречена учащимися и профессорско-преподавательской корпорацией высшей школы. Столичное студенчество, растратившее свой протестный пыл в конфликтах с профессурой и Временным правительством, отреагировало анемично, хотя и не испытывало к большевикам социально-политических симпатий. Провинциальное на территориях, захваченных разгоравшейся Гражданской войной, в целом поддерживало противников Советов¹. Осознавая политическую ненадежность «старого» студенчества, Советская власть задумала срочным порядком пролетаризировать высшую школу. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» было постановлено, что каждое лицо с 16 лет, независимо от уровня образования, могло стать слушателем любого университета и института². Постановлением СНК РСФСР от 6 августа 1918 г. Наркомпросу предписывалось обеспечить преимущественный прием в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства³.

В результате этих правительственных решений высшую школу заполнили абитуриенты без среднего образования. Но столь же быстро эта волна и схлынула. Профессор Московского университета М. М. Новиков вспоминал о создавшейся коллизии: «В первое время аудиторией переполнились полуграмотными рабочими, которые вскоре, однако, поняли, что “грызть гранит науки” не такая простая вещь, как об этом думали политические руководители. Что касается различного рода практических занятий в семинариях и лабораториях, играющих в современной постановке высшего образования часто доминирующую роль, то к ним неподготовленная публика и вообще не могла быть допущена. В результате состав студенчества вновь снизился почти до первоначального уровня»⁴.

Пришлось Наркомпросу искать иной путь «осовечивания» состава учащихся высшей школы. И он был найден в виде так называемых рабочих факультетов (рабфаков) в структуре высших учебных заведений для ускоренной подготовки рабоче-крестьянской молодежи к освоению высшеобразовательной учебной программы под руководством профессоров и преподавателей (при их, кстати, благожелательном отношении к данному проекту)⁵. Осознав, что на формирование контингента «красного студенчества» потребуется время, Советское правительство вынуждено было черпать остро необходимые кадры высшей квалификации из наличного состава студенчества «буржуазного». По подсчету Е. Э. Платовой, за годы Гражданской войны было издано 30 декретов о срочной мобилизации старшекурсников инженерных и медицинских высших учебных заведений в Красную армию, а также о безотлагательном возобновлении занятий студентов прочих курсов⁶. Высшая медицинская школа была милитаризована

¹ Например, студенты Новочеркасского политехнического института в конце 1918 г. организовали боевую студенческую дружину для борьбы с «анархо-большевизмом». Из дружинников были сформированы 13 паровозных бригад, сыгравших большую роль в подавлении большевистского восстания в Ростове-на-Дону. Прикомандированная к Добровольческой армии генерала Корнилова дружина участвовала в легендарном Ледовом походе [9, с. 62].

² Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. с. 138, 141.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 37. М., 1969. с. 34.

⁴ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. с. 108.

⁵ Чанборисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. с. 82–94.

⁶ Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1984. с. 85–95.

⁷ Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. с. 23.

переведением ее в подчинение главкома вооруженных сил РСФСР. В ряд первоочередных была поставлена задача обязать студентов-медиков обоего пола продолжить учебные занятия в порядке неотложной трудовой повинности под угрозой судебной ответственности. Учащиеся переводились на полное государственное обеспечение по нормам курсантов военно-учебных заведений⁸.

Постановлением СНК РСФСР от 24 марта 1920 г. «О срочном выпуске инженеров-специалистов» ставилась задача подготовки по ускоренной программе инженеров из студентов промышленных институтов, включая возвращение к месту учебы мобилизованных в Красную армию, на промышленные предприятия и в различные советские учреждения. Теперь они считались откомандированными на учебно-трудовой фронт для ускоренного прохождения высшего образовательного курса. Все эти так называемые ускоренники переводились на государственное содержание, а по завершении обучения в обязательном порядке направлялись в распоряжение народнохозяйственных органов⁹.

Профессура встретила большевистский переворот как узурпацию законной власти Временного правительства, с возмущением восприняв отказ большевиков от союзнических обязательств России в войне с Германией. 20 ноября 1917 г. Совет Харьковского университета принял на этот счет резолюцию, в которой заявлялось: «Нам невыносима мысль, что в муках рожденная русская свобода в сознании нашего потомства будет соединена с воспоминаниями об отвратительном предательстве»¹⁰. Резолюция была доведена до сведения консулов союзнических держав. Харьковских коллег поддерживали профессора Казанского университета, которые считали, что сепаратный мир «исторгнет Россию из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность, т. е. творящих те духовные и материальные ценности, которые составляют жизнь народов и без которых этой жизни нет»¹¹. Такого рода резолюции были последними ширококвещательными заявлениями профессорско-преподавательского корпуса о своем отношении к проблеме защиты Отечества.

Полагаясь на непрочность Советской власти, профессорские коллегии высших учебных заведений продолжали жить по академическим законам Временного правительства. По свидетельству профессора М. М. Новикова, «гармоническая согласованность университетской жизни... без особых потрясений царил в Московском университете в первые годы большевистского режима, вплоть до того времени, когда коммунистическое правительство произвело натиск... на принцип академической автономии»¹². По образу и подобию московских коллег действовала профессура высших учебных заведений Петрограда¹³. А вот что писал о ситуации того времени в Казанском университете его бывший студент и историограф М. К. Корбут: «Университет себя чувствовал, пожалуй вплоть до 1918 г., автономным в полном смысле этого слова! До него не было никому дела, а сам он отнюдь не интересовался принятием на себя каких бы то ни было обязанностей в отношении новой власти, с нетерпением ожидая восстановления *status quo* и настойчиво посылая официальные бумаги в Петроград на имя уже не существовавшего министерства народного просвещения (Временного правительства. – А. И.)»¹⁴.

Демонстрируя свою независимость, профессура самостоятельно, без санкции Наркомпроса, продолжала пользоваться таким атрибутом университетской автономии, как некогда

⁸ Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. с. 23.

⁹ Платова Е. Э. Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001. с. 23–26.

¹⁰ Сизова А. Ю. Российское студенчество в революционных событиях 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. с. 57.

¹¹ Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 20-х годов. СПб., 2003. с. 125.

¹² Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. с. 103.

¹³ Беляева А. М. Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднимперского периода: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. с. 265.

¹⁴ Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. Казань, 1930. с. 301.

нерушимое право университетов присуждать по результатам защиты диссертации ученые степени магистра и доктора наук. Вызывающий характер в понимании власти приобрела защита И. А. Ильиным диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности бога и человека» (М., 1918), потому что учителем и оппонентом соискателя был разыскиваемый ВЧК профессор П. И. Новгородцев как деятель «правого центра» кадетской партии. Тогда же диссертационные диспуты с присуждением ученых степеней прошли в Казанском, Петербургском, Харьковском и Киевском университетах.

Ответом на эти «самоуправные» демонстративные поползновения к отстаиванию академических прав профессорской корпорации стал Декрет СНК от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР». Он имел откровенно репрессивный характер, поскольку наравне с сословиями и чинами прошлой эпохи упразднял ученые степени с единственной целью обезличить «старую» профессуру и уравнивать ее с «младшими» преподавателями». Их судьба решалась голосами новоиспеченных «профессоров» и «преподавателей» из бывших приват-доцентов и ассистентов, прослуживших в высшей школе соответственно три года и менее¹⁵. Расчет Наркомпроса делался на то, что младшие по возрасту мстительно забаллотируют старших коллег, расчищая себе карьерную дорогу. Но он не оправдался. Профессор-зоолог Московского университета М. М. Новиков так резюмировал эту коллизию: «Консолидация преподавательского состава, счастливо начатая в период Временного правительства, проявилась во всей своей силе. Почти все старики оказались вновь переизбранными. На нашем факультете (физико-математическом. – А. И.), как бы по иронии судьбы, провалился лишь профессор астрономии Штернберг»¹⁶. Последний был большевиком.

Однако лишенная ученых степеней, уравненная в своем академическом статусе с «младшими» коллегами, «старая» профессура попыталась бойкотировать Декрет. Еще в 1919 г. в Московском и Киевском университетах наблюдались факты защиты диссертаций с присуждением ученых степеней. Встретив же сопротивление власти, «старая» профессура изменила тактику. Сохранив в неприкосновенности во всех процедурных ипостасях диссертационный диспут, она стала голосовать по формуле: «считать (не считать) диссертацию успешно завершённой». Неповиновение «старой» профессуры диктовалось не только побуждениями остояновить произвол Наркомпроса, но и идеалистическим стремлением сохранить чистоту академических рядов от нашествия провластных назначенцев, не отвечавших сложившимся в XIX – начале XX в. высоким требованиям к научной подготовке преподавателей высшей школы. Новый, неофициальный, тип научной аттестации сохранял академический авторитет вплоть до начала 1930-х гг. И он не остался без позитивных последствий. 8 мая 1926 г. в Москве на заседании Центрального совета секции научных работников ГУС Наркомпроса обсуждался доклад академика В. П. Волгина «Об установлении единой ученой степени» – и этот вопрос не снимался с повестки дня академической политики Наркомпроса до 1934 г.

Своеволие профессуры Советская власть воспринимала выжидательно, правда, не отказываясь от ставших привычными мер выборочно-профилактическо-репрессивного характера (чаще всего в виде краткосрочных арестов).

Можно заключить, что в 1917–1920-х гг. между «людьми науки» и Советской властью установилась ситуация позиционного противостояния, при котором стороны, как бы прощупывая друг друга, воздерживались от решительных действий¹⁷.

¹⁵ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. с. 381–383.

¹⁶ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. с. 103.

¹⁷ Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 20-х годов. СПб., 2003. с. 127.

Советская власть, в свою очередь, отказалась от первоначальной попытки революционным наскоком расколоть корпоративное единство профессорско-преподавательского корпуса, противопоставив «старой» профессуре «младших» преподавателей (приват-доцентов, ассистентов), традиционно недовольных своим академическим неполноправием. Пришло понимание того, что без старых «буржуазных» специалистов («спецов») не обойтись, пока не будет возвращена замена им в лице профессуры коммунистической – «красной». Началась осада этой корпоративной крепости посредством «странной политики», по определению американского исследователя С. Финкеля, замешанной на уступках и давлении, с помощью которой Советское правительство старалось «установить контроль над высшим образованием и устранить худшее из того, что оно считало чуждым, одновременно пытаясь использовать неболшевицкую профессуру и сделать минимальным ущерб, наносимый этим ценным институтам»¹⁸. Апогеем такого противостояния стал острый конфликт, связанный с принятием Устава высшей школы, кодифицированного подписанным В. И. Лениным Декретом СНК РСФСР «О высших учебных заведениях» (сентябрь 1921 г.). Автономия высшей школы, декларированная Временным правительством, была окончательно сокрушена. Демонстративный протест профессуры с применением забастовок побудил власть к уступке в виде «Положения о высших учебных заведениях» (июль 1922 г.), которое несколько расширило академическую правоспособность профессоров и преподавателей. Но вскоре многие протестующие подверглись как контрреволюционеры арестам, ссылкам, реквизициям имущества. Наиболее «активные контрреволюционные элементы» под угрозой расстрела были изгнаны из страны («Философский пароход»). Большевицкая «Правда» от имени Советской власти императивно заявила, что это первое предупреждение «буржуазной интеллигенции». Соппротивление деятелей высшего образования было сломлено.

Вместе с тем в руководстве Советского государства оказались и те, кто в молодости были студентами «старорежимной» высшей школы; вызревало осознание того, что полное устранение с академической авансцены «старой» профессуры грозит катастрофой всей системе высшего образования, наследованной от прежнего режима, и полным исчерпанием научно-технического потенциала России. Во избежание этой цивилизационной катастрофы, для той части научного сообщества, которая оставалась в стране, была запущена в действие тактика вовлечения в деятельность создаваемой Советской властью сети многочисленных разноместных научно-практических исследовательских институтов, организационно стоявших вне высшей школы. И эти НИИ, идея которых будоражила умы выдающихся ученых (В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев и др.) еще до 1917 г., увлекла многих «людей науки» комфортом чисто научной деятельности, по сути аполитичной по сравнению с научно-педагогической, постоянно напрягаемой необходимостью защиты академической автономии от разрушительных властных поползновений.

Советская власть внесла также кардинальное изменение в систему подготовки свежих пополнений профессорско-преподавательского состава высшей школы. Пришлось учесть российский исторический опыт научной аттестации XIX – начала XX в., которого упорно держалась «старая» профессура. 13 января 1934 г. публикуется постановление Совнаркома РСФСР «Об ученых степенях и званиях» – прерванная академическая традиция, сформировавшаяся в XIX в., была восстановлена.

А. Е. Иванов

Литература и источники:

¹⁸ Финкель С. Организованная профессура и университетская реформа в Советской России // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. с. 173–174.

1. *Беляева А. М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднеимперского периода: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
2. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III.
3. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова (Ленина) за 125 лет. Казань, 1930.
4. *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1984.
5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 37. М., 1969.
6. *Литвин А. Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 20-х годов. СПб., 2003.
7. *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952.
8. *Платова Е. Э.* Жизнь студенчества России в переходную эпоху. СПб., 2001.
9. *Решетова Н. А.* Интеллигенция Дона и революция. 1917 – первая половина 1920-х годов. М., 1997.
10. *Сизова А. Ю.* Российское студенчество в революционных событиях 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
11. *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003.
12. *Чанборисов Ш. Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988.

Портреты исторических деятелей XX столетия как открытие века

Английский историк XIX в. Томас Карлейль заметил: «Хорошо написанная биография так же редка, как и хорошо прожитая жизнь»¹⁹. Французский писатель, автор жанра романизированных биографий Андре Моруа поправил англичанина в XX в., добавив, что «первое встречается куда реже, чем второе»²⁰. А лидер английских консерваторов Бенджамин Дизраэли рекомендовал вообще не читать книг по истории – ничего не читать, «кроме биографий, ибо в них показана реальная жизнь, без каких-либо теорий»²¹.

Жанр биографии стал не просто популярным в России во второй половине XX в. – он реально составил конкуренцию детективному жанру. Сегодня на самых видных местах любого книжного магазина стоят горы биографий так называемых звезд и випов. На ярких обложках – фотографии популярных актеров, певцов, скандальных музыкантов, художников, всесильных правителей, видных политиков, известных писателей и ученых. Галерея лиц и имен – бесценная палитра человеческих судеб, жизней людей.

Биографическое направление признано во многих гуманитарных науках; каждая из них использует биографический метод при изучении своего предмета. Литературоведение, искусствоведение используют биографии мастеров культуры для раскрытия феномена их творчества; психология через восприятие и миропонимание отдельного человека использует «персональную историю»; социология, социальная антропология, этнография изучают биографическую составляющую для анализа этнических, конфессиональных, социальных различий в обществе; для исторических описаний биографический метод известен еще с Античности: жизнеописания Светония, Плутарха, христианские жития святых, мемуары, дневники, записки – этапы длительного развития метода. XX в. явил новый этап развития биографического жанра. Популярность у читателей многочисленных книг, имеющих биографическую составляющую, стала характерной особенностью данного периода.

Политический портрет – особый жанр биографического направления – открытие ушедшего века, так как он создал новую традицию в подаче и использовании портрета исторических личностей в гуманитарном и общественно-политическом знании, неведомую до этого времени. Портрет стал использоваться в качестве важного инструмента воздействия власти на общественное мнение путем создания образа, соответствующего тем представлениям общества, которые, в свою очередь, во многом формировались управленческими структурами. Появление политического портрета в публицистической, политологической, социологической, исторической литературе было тесно связано и с общественно-политической востребованностью общества, изменившего к началу прошлого века свои представления об отдельной личности, его роли в истории, стремившегося глубже понять, «разглядеть» современника, увидеть в нем характерные черты времени.

В данном случае речь пойдет об эволюции политического портрета советских руководителей за XX в. В России политический портрет вождей в этот период занимал особое место, так как продвигал в массовое сознание идеологические установки власти. Подобное отношение к личности вождя проистекало не только из стремления власти усилить свое влияние на общество, но и из исторической российской традиции отношения к ней: на протяжении веков власть и государство неразрывно ассоциировались с конкретным правителем.

¹⁹ Карлейль Т. Свод житейской мудрости. URL: <http://www.wisdomcode.info/ru/quotes/authors/49182.html?page=3>.

²⁰ Моруа А. Цитаты, афоризмы, высказывания. URL: <http://citaty.info/man/andre-morua>.

²¹ Дизраэли Б. [Афоризмы]. URL: <http://burdelov.narod.ru/aforismoframeset.html>.

В политическом портрете сосредоточена информация о политическом лидере, который имеет набор разнообразных идей и взглядов, отражающих определенную социальную, общественную или политическую позицию. В портрете, как правило, выделяются характерные ценностные установки, широко распространенные в обществе и способные консолидировать население, а значит, давать возможность власти прогнозировать модели поведения и деятельности общества. Различают четыре основных типа политического портрета: политико-идеологический (политико-мировоззренческий), политико-психологический, исторический, политическая биография²². Политический портрет, являясь частью биографии, фокусирует внимание на общественно-политической деятельности человека, преломляя факты из его жизни через призму общественной и социальной значимости личности. В политико-идеологическом портрете отражаются мировоззренческие взгляды человека, определившие его социальный и политический статус в обществе. Именно политико-идеологический портрет лидера стал одним из самых распространенных типов политического портрета советской поры.

Начало было положено первыми портретами вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, созданными современниками драматических революционных событий в России. Один из первых таких портретов дал американский журналист Джон Рид в ставшем впоследствии классическим произведении о русской революции и ее вождях. Вышедшая в США в 1919 г. книга Рида «Десять дней, которые потрясли мир»²³ потрясла, в свою очередь, американскую аудиторию яркими образами революционеров взбунтовавшейся России. Ленин, «с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой», с маленькими глазами и крупным носом, с видимой небритостью, среди ликующей толпы солдат и матросов, в потертом костюме и не по росту длинных брюках, показан революционным романтиком и выпускником Гарварда Ридом как необыкновенный народный вождь «благодаря своему интеллекту». Ридовский Ленин – кумир толпы: «Простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории» и одновременно «чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий»²⁴.

Подмеченные американским репортером особенности личности русского лидера и его влияние на массы в последующих политических портретах вождя начнут развиваться, наполняться новым идеологическим содержанием, обрастать мифами, создавая своеобразную «лениниану». Но во всех этих портретах, как по шаблону, будут повторяться две главные черты, подмеченные Ридом: простота народного вождя, с одной стороны, и необыкновенная искренняя любовь масс к нему – с другой.

Не работающие, как сегодня сказали бы, на имидж вождя характеристики не акцентировались, оставаясь в тени. Например, впоследствии авторы воспоминаний, портретных зарисовок не писали ни о потертом костюме вождя, ни о его маленьких глазах и крупном носе; наоборот, видевшие Ленина писали о глубоком взгляде вождя, о его необычайной скромности, и потертый костюм превращался в достоинство главы огромного государства, символ его безграничной скромности.

Со временем портреты политических деятелей советской эпохи претерпели ряд изменений: от объективного описания современников через мифологизацию, героизацию до карикатурного, гротескного и рекламного портрета.

Манипулирование общественным сознанием – важная часть государственного управления, и представления о политических деятелях своей эпохи, особенно о первых лицах государства, – составная часть управленческого воздействия на общество. Манипулирование обще-

²² Рыскова Т. М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестн. Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 3.

²³ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромма. М.; Л., 1930.

²⁴ Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир / пер. с англ. А. И. Ромма. М.; Л., 1930. с. 135.

ством – универсальное средство воздействия на массы. Использование политического портрета тех или иных личностей в качестве инструмента манипуляций стало распространенной моделью влияния как на индивидуальное, так и на коллективное восприятие событий, реалий жизни.

Сюжет-мистификация «Ленин – гриб» Сергея Курехина и Сергея Шолохова на Ленинградском телевидении (начало 1991 г.) – один из ярких примеров развенчания мифологизированного образа вождя мирового пролетариата. Очевидная, казалось бы, неправдоподобность изложенного в телевизионном эфире абсурдного тезиса о том, что Ленин долгое время употреблял галлюциногенные грибы, в результате чего сам превратился в гриб и совершил Октябрьский переворот 1917 г., вызвал у части телевизионной аудитории улыбку, у другой посеял сомнения в правоте авторов сюжета, а некоторых подвиг на поход в Ленинградский обком партии к секретарю по идеологии.

Так, один и тот же десятилетиями используемый посыл о скромности вождя привел к тому, что зритель конца XX в. спокойно проглотил рассказ о «грибной диете» вождя, и лишь слегка встревожился результатом употребления этого продукта.

Политический портрет видного представителя правящей элиты, в котором запечатлены яркие страницы его жизни, служит важным механизмом, связывающим отдельные социальные группы общества друг с другом посредством выработки общих взглядов на мир, ответов на сложные вопросы действительности. Во все времена людям были необходимы такие представления, которые скрепляли бы социальные группы, отражая их коллективное видение различных явлений, обычаев, верований, поступков окружающих. Идеи, разделяемые и укоренившиеся в той или иной социальной группе, преследуют, порой неосознанно, определенные политические цели и имеют под собой часто слабо скрываемые материальные интересы. Политические биографические портреты советских вождей точно вписываются в эту парадигму, так как в них были отражены идеологические представления о жизни человека – трудолюбивого, скромного, порой даже аскетичного, хлебнувшего горя и страданий, но, несмотря на трудности, добившегося всего благодаря преданности общему делу, вере в «светлое будущее» страны и прошедшего длинную лестницу комсомольской и партийной работы. По такому шаблону публиковались официальные политические биографии почти всех советских вождей, начиная с Ленина и заканчивая Черненко.

В политическом представлении вождей всегда указывался социальный статус семьи, в которой был рожден вождь, – в семье инспектора народных училищ / бывшего крепостного крестьянина / сапожника / шахтера / рабочего / железнодорожного инженера и учительницы музыки / украинских крестьян (подобное указание на происхождение осталось и в статьях Википедии, почти полностью дублирующих сведения из советских биографий). Лишь Л. Троцкий родился в семье богатых землевладельцев-арендаторов. Надо отметить, что сам вождь октябрьского пролетарского переворота 1917 г. всячески пытался скрывать свое непролетарское происхождение, затеняя его трудностями сельской жизни его семьи. В мемуарах «Моя жизнь» Троцкий постоянно подчеркивал тяжелую трудовую жизнь своих родителей: «Отец мой был земледельцем, сперва мелким, затем более крупным», «неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх»²⁵.

В целом трудовая рабочая биография также являлась важнейшим компонентом в политическом портрете советского вождя. Ленин, хоть и был исключен из Казанского университета, давал частные уроки. Брежнев начал трудовую деятельность в 15 лет, Андропов работал киномехаником. Если же у руководителя не было ранней рабочей биографии, то она равнозначно замещалась ранней революционной борьбой (у Сталина, Троцкого, Маленкова, Черненко).

²⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии: в 2 т. М., 1990. Т. 1. с. 22.

Особый вариант политического портрета, который давался по окончании жизни лидера, – некролог, посвященный памяти ушедших товарищей. В нем, опять-таки по шаблону, подводились итоги жизни человека. В редакциях центральных газет (как рассказывали в частных беседах главные редакторы газет советской эпохи автору этой публикации) на случай ухода того или иного политического руководителя были заранее заготовлены черновики некрологов, в которые необходимо было внести в день публикации лишь список подписей официальных лиц. Неслучайно в некрологах, опубликованных по случаю смерти Л. И. Брежнева²⁶ и Ю. В. Андропова²⁷, использовались одни и те же слова о невосполнимой утрате «борца за мир и коммунизм». Похоронный ритуал соблюдался не только в самой процедуре погребения – существовал и своего рода вербальный ритуал, сформировавшийся за время правления советских лидеров.

Роль личности в истории, как известно, оценивается учеными по-разному. Одни считают личность «главным локомотивом» исторического развития, другие не отводят человеку столь видное место. В данном случае нам важно подчеркнуть: социальный статус во многом определяет влияние личности. В России роль правителя в течение многих столетий была преувеличена, роль маленького человека, обывателя – незаметна.

Попытки изучения роли отдельной личности периодически предпринимались исторической наукой в XX в. В 1919 г. в Наркомпрос даже был представлен проект создания Биографического института, целью которого ставилось систематическое всестороннее научное изучение биографий. Проект не получил поддержки и развития в силу нецелесообразности и дороговизны содержания²⁸. В то же время стремление использовать биографии известных людей в политических, воспитательных целях стало неотъемлемой частью пропаганды советской поры. В СССР появились целые серии биографий, которые выпускали центральные издательства: «Госполитиздат» (позднее называвшийся «Политиздатом»), «Молодая гвардия», «Мысль», «Наука», «Искусство». В биографиях ученых, деятелей культуры, писателей или революционеров советской поры важнейшим элементом был исторический портрет. Составными частями портрета выступали: исторический очерк о жизненном пути героя с фокусировкой на его отношении к бурным революционным событиям начала прошлого века, к людям, которые встретились ему на разных жизненных отрезках и оказали влияние на его идейные взгляды, поступки, решения. Определенная политизированность всегда присутствовала в историческом портрете как крупного политического деятеля любой эпохи, так и личности, прямо не связанной с властью и государством.

К составлению психологического политического портрета, или политико-психологического портрета²⁹, советских вождей «портретисты» той поры подходят, на наш взгляд, лишь в 1980-е гг. Это происходит на волне новых веяний в обществе и требований пересмотра устаревших пропагандистских концепций. Именно тогда появляются портреты вождей в исторической науке, написанные Д. Волкогоновым³⁰, М. Геллером³¹, А. Некричем³², А. Яковлевым³³,

²⁶ Правда. 1982. 12 нояб.

²⁷ Правда. 1984. 11 февр.

²⁸ Эткинд А. М. Биографический институт. Неосуществленный замысел Н. А. Рыбникова // Лица. М.; СПб., 1996. № 7. с. 421–424.

²⁹ Рыскова Т. М. Политический портрет лидера: вопросы типологии // Вестн. Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 3.

³⁰ Волкогонов Д. Вожди: Трилогия. Сталин: в 2 т. М., 1996; Троцкий: в 2 т. М., 1994; Ленин. Политический портрет. Кн. 1 и 2. М., 1994; Семь вождей. Галерея лидеров СССР: в 2 кн. М., 1995.

³¹ Геллер М., Некрич А. История России 1917–1995. Т. 1. Утопия у власти 1917–1945; Т. 2. Утопия у власти 1945–1985; Т. 3. Седьмой секретарь 1985–1990. М., 1996.

³² Волкогонов Д. Вожди: Трилогия. Сталин: в 2 т. М., 1996; Троцкий: в 2 т. М., 1994; Ленин. Политический портрет. Кн. 1 и 2. М., 1994; Семь вождей. Галерея лидеров СССР: в 2 кн. М., 1995.

³³ Яковлев А. Н. Омут памяти: От Столыпина до Путина. М., 2001.

Р. Медведевым³⁴, а в художественной литературе и на телевидении привлекают к себе внимание историко-публицистические рассказы-портреты писателя и драматурга Э. Радзинского³⁵

³⁴ *Медведев Р.* Политические портреты. Ставрополь, 1990; Они окружали Сталина. М., 1990; Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. Кн. 1. М., 1991; Генсек с Лубянки. М., 1993; Чубайс и ваучер. М., 1997; Юрий Андропов: неизвестное об известном. М., 2004; Загадка Путина. М., 2000; Дмитрий Медведев: двойная прочность власти. М., 2009; Борис Ельцин. Народ и власть в России в конце XX века. М., 2011; Время Путина. М., 2014.

³⁵ *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997; Апокалипсис от Кобы. Иосиф Сталин. Последняя загадка. Война, ее начало и... М., 2000; Николай II: жизнь и смерть. М., 1997.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.